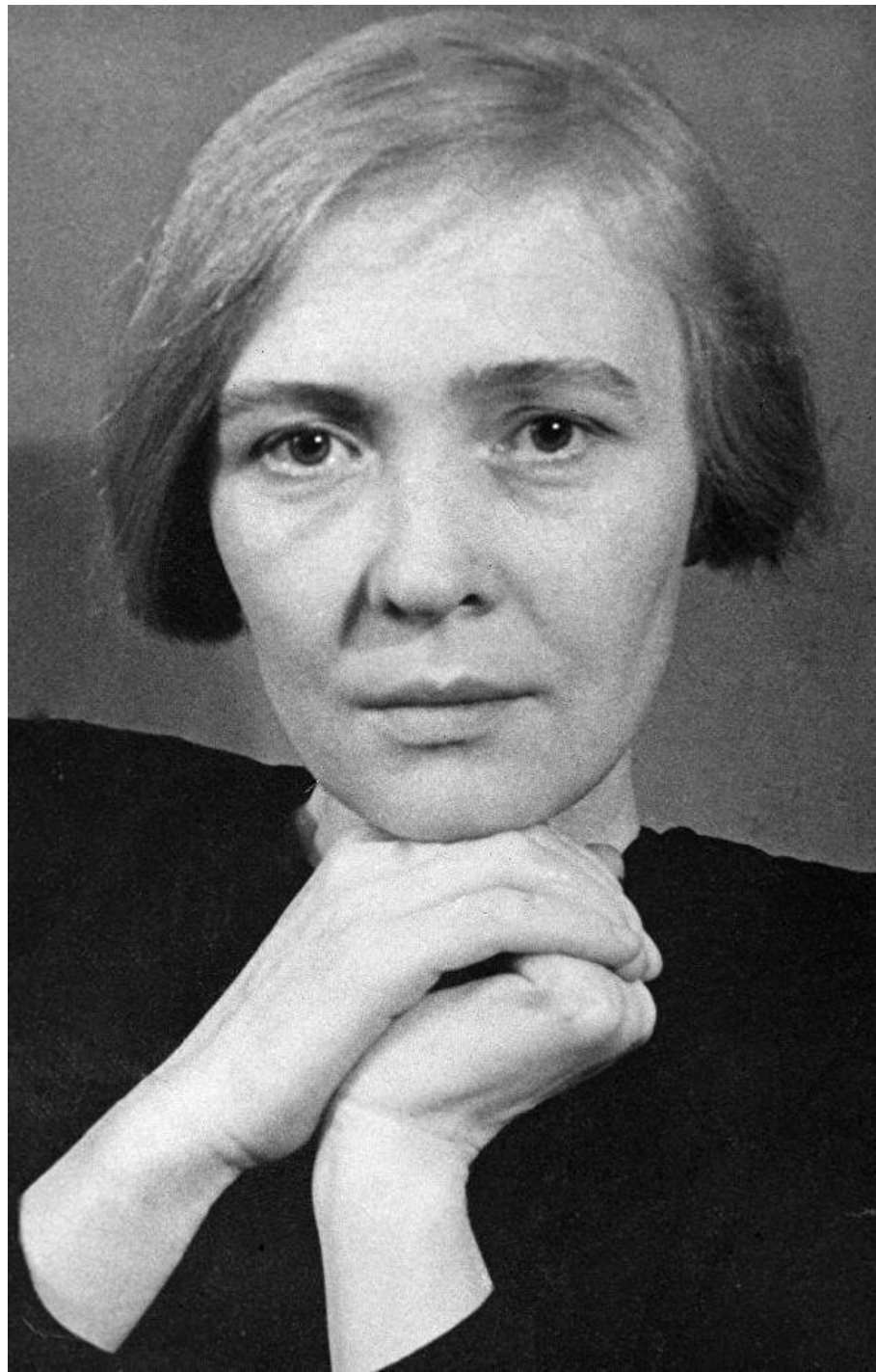

Ольга Фёдоровна Берггольц (1910-1975)

Русская советская поэтесса,
прозаик и драматург, журналист,
член Союза писателей СССР.
В 1938 году репрессирована
-проходила по делу «Литературной группы»,
реабилитирована в 1939 году.
-Награждена медалью «За оборону Ленинграда(1943)
и медалью «За доблестный труд в Великой
Отечественной войне 1941-1945 г.г.»
-Лауреат Сталинской премии и Государственной
премии (1951) – за поэму «Первороссийск»(1950);
-кавалер орденов Ленина (1967) и
-Трудового Красного Знамени(1960).

Ее называли
ленинградской
Мадонной.

Ольга Берггольц стала
одним из символов
блокады, ее стихи
подчеркнули стойкость
ленинградцев и их любовь к
своему городу.

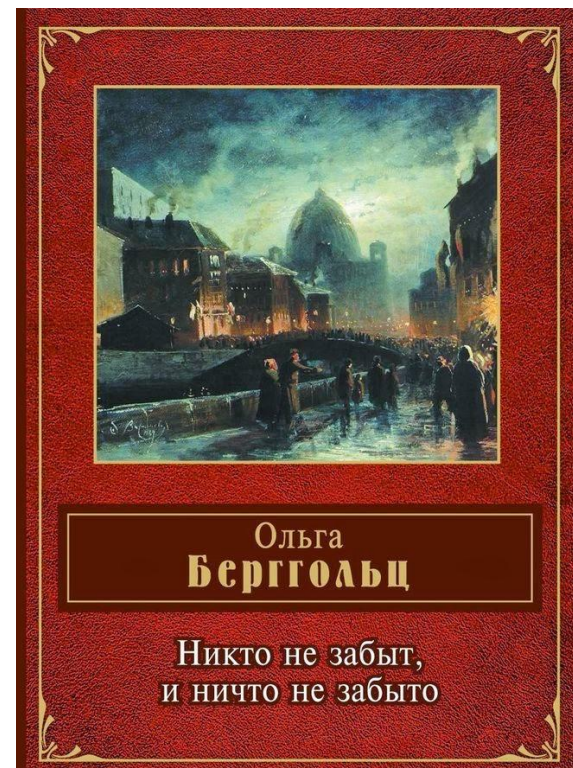
Это Ольге Берггольц
принадлежат строки:
«Никто не забыт и ничто не
забыто»

Ее называли
ленинградской
Мадонной.

Ольга Берггольц
У нее была трудная
судьба. Она
перенесла гибель
детей, тюремное
заключение и пытки,
блокады, но все
равно осталась
верной своему
призванию. Она
была голосом
Ленинграда.

Ольга Берггольц - автор крылатой строки, ставшей лозунгом, высеченным на Мемориальной стене Пискаревского кладбища, где похоронены многие жертвы Ленинградской блокады: «Никто не забыт, ничто не забыто». Почётный гражданин Санкт-Петербурга (1994, посмертно).

Родители Ольги Берггольц:

**мать — Мария Тимофеевна
Берггольц (урождённая
Грустилина) (1884—1957,**

**отец — Фёдор
Христофорович Берггольц
(1885—1948), врач-хирург
(фамилия немецкая_по деду
со стороны отца).**

М.Т.Берггольц
с Ольгой и Марией.1916

Младшая сестра
— будущая актриса
Мария Берггольц
(1912—2003)

Ольга Берггольц

1910 г. - 1975 г.

«Мы жили в немирное время. Мы жили в 1920 году в городе Угличе. Углич – наше суровое, наше голодное детство».

(повесть «Углич»)

«В Петрограде начинался голод и мать О.Берггольц, Мария Тимофеевна, спасая дочерей выехала в начале июня 1918 г. в г.Углич. Незадолго до этого туда уехали Степановы и в письмах звали ее к себе».

(М. Ю. Лебединский – племянник О. Берггольц, сын ее сестры Марии)

Мария Тимофеевна Берггольц, урожденная Грустилина - мать Ольги Берггольц.

Фото хранятся в рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, С.-Петербург.

Федор Христофорович Берггольц - отец Ольги Берггольц. Фото с дарственной надписью: «Милой моей дочке Ляле. Углич». (август 1919 г.)

«А мама по вечерам уходила в нашу школу на работу, в ликбез, где старухи учились читать, как маленькие».

(повесть «Углич»)

«За время Гражданской войны Федор Христофорович - фронтовой врач дважды приезжал в Углич, где в то время жила его жена с детьми».

(М.Ю.Лебединский - племянник О.Берггольц)

Лето 1927 г. Новгородская губерния.
На обороте фотографии надпись О.Берггольц:
«О весенние зори и тёплые майские росы!..
О прекрасная юность моя!..И(ван)Б(унин)....
«Пройдёт моя весна,
И этот день пройдёт,
Но радостно бродить
И знать, что всё проходит. И(ван)Б(унин)».

Помета Н.Молчанова: «Салютую тебе, красавица!
Николай. 28/II1931. Алма-Ата»

Ольга Берггольц. Выпуск школы.
1925–1926 гг.

Детские годы Ольги Берггольц
прошли на окраине Невской заставы.
С 1918 по 1920 год жила с семьёй
в Угличе в бывших
кельях Богоявленского монастыря.
Училась в трудовой школе, которую
окончила в 1926 году.

Первое стихотворение поэтессы «Ленин» было напечатано в газете «Красный ткач» в 1925 году, первый рассказ «Заколдованная тропинка» — в журнале «Красный галстук».

Борис Корнилов с сестрами
Елизаветой и Александрой.

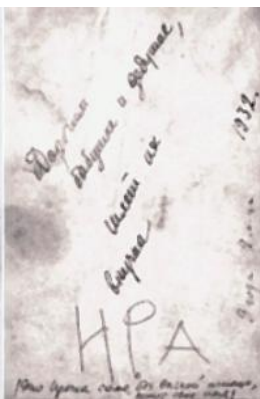
В 1925 году пришла в литературное объединение рабочей молодёжи «Смена». Там Ольга встретила поэта **Бориса Корнилова**. Ей было 18 лет, когда в 1928 году они поженились. 13 октября того же года у молодых родилась дочь Ирина, которая 14 марта 1936 года в возрасте 7 лет умерла (в связи с осложнением на сердце — декомпенсированным пороком органа — после тяжёло перенесённой ангины).

В 1926 году на заседании союза поэтов стихотворение Ольги Берггольц похвалил, Корней Чуковский, сказав, что в будущем она станет настоящей поэтессой.

С 1930 года работала в детской литературе, печаталась в журнале «Чиж», издала свою первую книгу — «Зима-лето-попугай».

Поступила на филологический факультет Ленинградского университета. Преддипломную практику проходила во Владикавказе летом — осенью 1930 года в газете «Власть труда». Освещала строительство ряда народнохозяйственных объектов, в частности, Гизельдонской ГЭС.

Литературный дебют Ольги Берггольц пришелся на начало 1930-х годов. В эти годы выходят ее рассказы - сборники "Как Ваня поссорился с баранами" (1929), повесть "Углич" (1932) В 1933-1935 годах очерки "Годы штурма", сборник рассказов "Ночь в Новом мире", а затем ее лирические стихи, "Стихотворения" (1934) и "Книга песен" (1936), с которых начинается поэтическая известность Берггольц. Но в это же время умерла младшая дочь Ольги Берггольц - Майя, а спустя два года - старшая Ирина.

Ирина, дочь О. Берггольц и Б. Корнилова. 1935

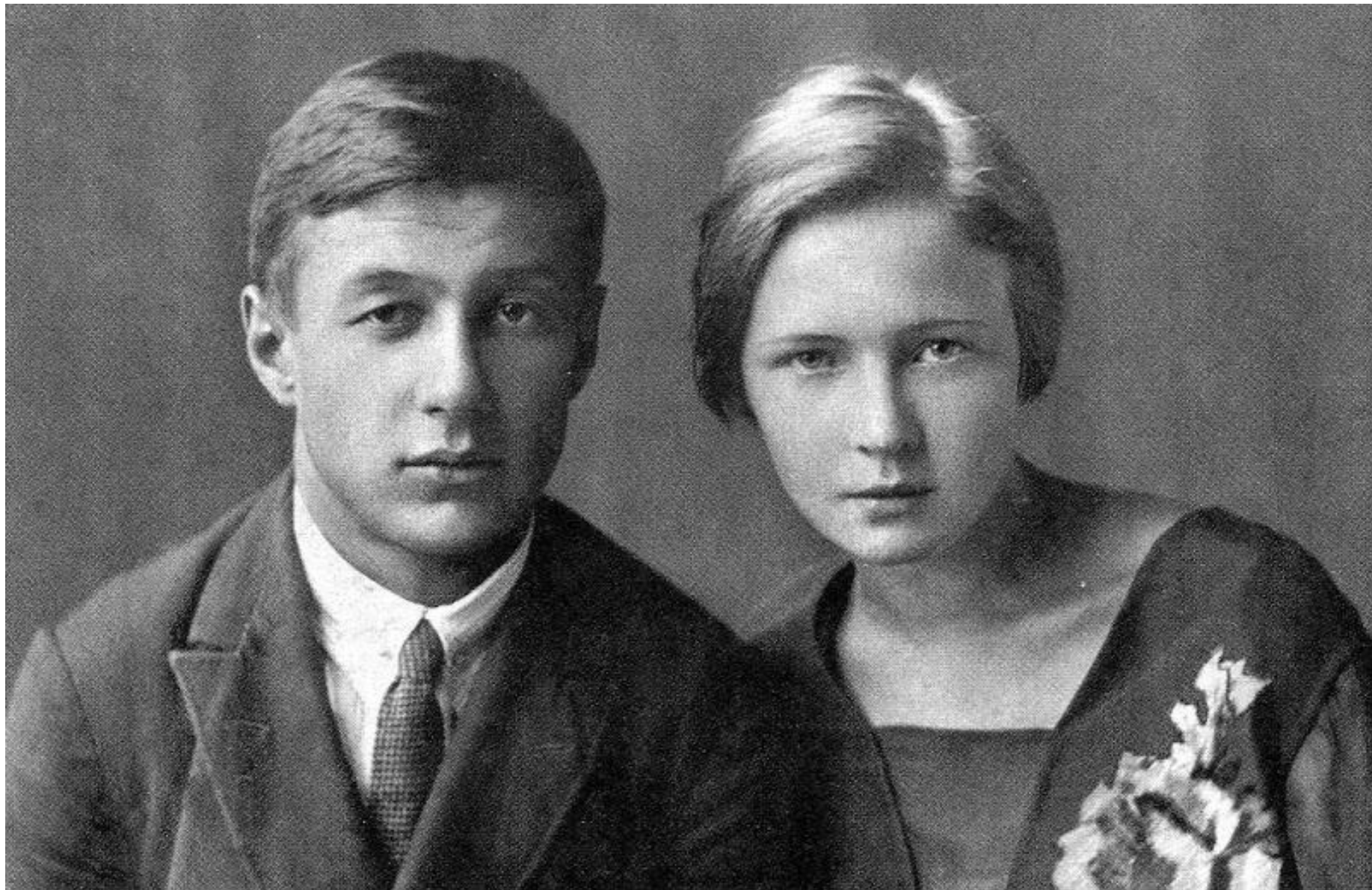
В октябре 1928 года Ольга Берггольц родила дочь Ирину. В декабре 1930 года Берггольц окончила университет. Ее распределили в Казахстан - корреспондентом алма-атинской газеты «Советская степь». Маленькую дочь Берггольц оставила у своей матери. Бабушка и растила Ирину, в которой не чаяла души. Девочка была большая фантазерка и умница, сочиняла стихи, но не отличалась крепким здоровьем.

Дочь Ирина с бабушкой.

Борис Корнилов, Ольга Берггольц, Петр Тарасович, Елизавета и Таисия Михайловна. На руках у Петра Тарасовича Ирина, дочь Бориса и Ольги. Семенов. 1929. (ИРЛИ)

Берггольц и Корнилов учились на Высших курсах при **Институте истории искусств**, где преподавали такие учителя, как **Тынянов, Эйхенбаум, Шкловский**, выступали **Багрицкий, Маяковский, И. Уткин**.

Борис Корнилов и Ольга Берггольц

Ольга Берггольц — Борису Корнилову

...И все не так, и ты теперь иная.
поешь другое, плачешь о другом...

Б. Корнилов

1

О да, я иная, совсем уж иная!
Как быстро кончается жизнь...
Я так постарела, что ты не узнаешь,
а может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я,
ни клятвы
напрасной не стану давать.
Но если — я верю — вернешься обратно,
но если сумеешь узнать,—
давай о взаимных обидах забудем,
побродим, как раньше, вдвоем,—
и плакать, и плакать, и плакать мы будем,
мы знаем с тобою — о чем.

1939

2

Перебирая в памяти бывшее,
я вспомню песни первые свои:
«Звезда горит над розовой Невою,
заставские бормочут соловьи...»
...Но годы шли все горестней и слаще,
земля необозримая кругом.
Теперь — ты прав,
мой первый и пропавший,—
_пою другое, плачу о другом...
А юные девчонки и мальчишки
они — о том же: сумерки, Нева...
И та же нега в этих песнях дышит,
и молодость по-прежнему права.

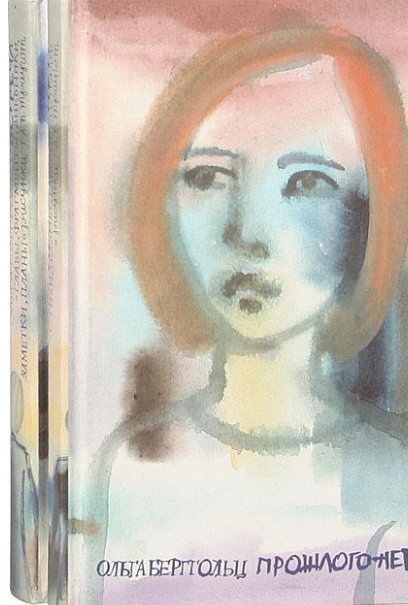
О легендарном поэте
Борисе Корнилове вспоминает
его дочь Ирина Корнилова-Басова

Борис Корнилов с женой, Людмилой Борнштейн, Люсей.
Начало 1930-х годов.

В 1930 году Берггольц разводится с Борисом Корниловым и выходит замуж за однокурсника Николая Молчанова, с которым пробудет до его смерти в 1942 году.

В 1932 году Ольга родила дочь Майю; через год девочка умерла.

*Ты у жизни мною добыт,
словно искра из кремня,
чтобы не расстаться,
чтобы
ты всегда любил меня.
Ты прости, что я такая,
что который год подряд
то влюбляюсь, то скитаюсь,
только люди говорят...
1936*

Ольга Берггольц — Два стихотворения дочерям

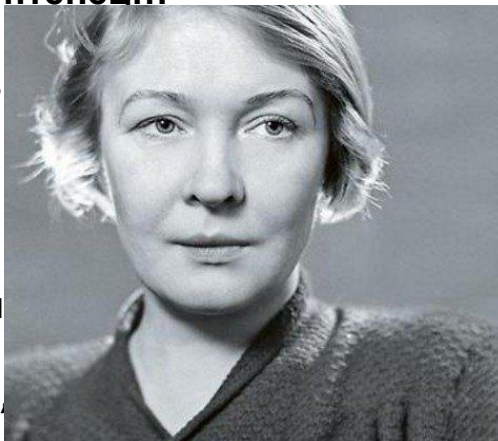
1

Сама я тебя отпустила,
сама угадала конец,
мой ласковый, рыженький, милый,
мой первый, мой лучший птенец...

Как дико пустует жилище,
как стынут объятья мои:
разжатые руки не сыщут
веселых рученок твоих.

Они ль хлопотали, они ли
теплом озарив бытие,
играли, и в ладошки били,
и сердце держали мое?

Зачем я тебя отпустила,
зачем угадала конец,
мой ласковый, рыженький, милый,
мой первый, мой лучший пте

2

На Сиверской, на станции сосновой,
какой мы страшный месяц провели,
не вспоминая, не обмолвясь словом
о холмике из дерна и земли.

Мы обживались, будто новоселы,
всему учились заново подряд
на Сиверской, на станции веселой,
в краю пилотов, дюн и октябрят.

А по кустам играли в прятки дети,
парашютисты прыгали с небес,
фанфары ликовали на рассвете,
грибным дождем затягивало лес,

и кто-то маленький, не уставая,
кричал в соседнем молодом саду
баском, в ладошки: «Майя, Майя!
Майя!..»

И отзывалась девочка: «Иду...»

1541 Берггольц, 1910
Ольга Фёдоровна

В 1937 году по клеветническим наветам исключена из партии, из профсоюза, из Союза писателей и арестована.

Летом 1938 года восстановлена в правах с отменой всех предъявленных обвинений.

В конце 1938 года вновь арестована. Она попала в тюрьму беременной. Допросы и тяготы заключения сказались трагически — ребёнку не суждено было родиться.

Она пробыла в тюрьме 197 дней.

Свои «тюремные» стихи Берггольц объединила в цикл «Испытание». Под этими стихами стоят не только даты написания, но и номера камер, одиночек, в которых ей довелось страдать.

В 1934 году принята в Союз писателей СССР, откуда была исключена 16 мая 1937 года. Вновь восстановлена в июле 1938, а затем, в связи с арестом, снова исключена.

В начале 1937 года Берггольц была вовлечена в «дело Авербаха», по которому проходила свидетельницей. После допроса, будучи на большом сроке беременности, она попала в больницу, где потеряла ребёнка. Первый муж, Борис Корнилов, был расстрелян 21 февраля 1938 года в Ленинграде. К середине 1938 года все обвинения с неё были сняты. Но через полгода, 13 декабря 1938 года, Берггольц, находящуюся вновь на большом сроке беременности, арестовали по обвинению «в связи с врагами народа», а также как участника контрреволюционного заговора против Ворошилова и Жданова. Проходила по делу «Литературной группы», которое было сфальсифицировано бывшими работниками УКГБ по Кировской области. После побоев и пыток Ольга прямо в тюрьме родила мёртвого ребёнка. В тюрьме Берггольц продержали 171 день, её здоровье было окончательно подорвано. Несмотря на это, она держалась стойко и не признала себя виновной. Так, под пытками были выбиты показания на поэтессу у её товарищей Игоря Франчески и Леонида Дьяконова. С последним её связывали дружеские отношения во время работы в казахстанской газете «Советская степь». Но первые показания на следствии по делу «Литературной группы» против Дьяконова, Берггольц и других писателей дал Председатель Вятского отделения Союза писателей Андрей Алдан-Семёнов, который был первым в числе арестованных. Из протокола допроса Семёнова-Алдана 5 апреля 1938 года: «...Я вам расскажу обо всём. Я — враг советской власти. Мною в августе 1936 года была создана террористическая организация (Решетников, Дьяконов, Лубнин). Были связи с Н. Заболоцким, О. Берггольц, Л. Пастернаком. 3 июля 1939 года Ольга Берггольц была освобождена и полностью реабилитирована. Вскоре после освобождения она вспоминала: «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в неё, гадили, потом сунули обратно и говорят: живи!»

В феврале 1940 года Берггольц вступила в ВКП(б).

Второй муж Ольги, литературовед Николай Молчанов, умер от голода 29 января 1942 года. Несмотря на свою инвалидность, он отправился на строительство укреплений на Лужском рубеже. В его боевой характеристике была фраза: «Способен к самопожертвованию». Ольга Берггольц посвятила ему лучшую, по собственному мнению, поэтическую книгу «Узел» (1965).

Отец поэтессы, Фёдор Берггольц, формально за отказ стать осведомителем в марте 1942 года был «выслан» из блокадного Ленинграда органами НКВД в **Минусинск** (Красноярский край). В это время Берггольц создала свои лучшие поэмы, посвящённые защитникам Ленинграда: «Февральский дневник» (1942), «Ленинградскую поэму» (1942). В 1943 году писала сценарий фильма о бытовых отрядах блокадного города, в итоге переработанный в пьесу «**Они жили в Ленинграде**».

3 июня 1943 года Ольге Берггольц вручили медаль «**За оборону Ленинграда**».

27 января 1945 года выходит радиофильм «900 дней», в котором использовались разные фрагменты звукозаписей (в том числе метроном, отрывки из Седьмой симфонии, объявления о тревоге, голоса людей), объединённые в одну запись. Ольга Берггольц, в числе прочих, работала над этим радиофильмом — читала там стихи.

Несмотря на все заслуги, в конце мая 1945 года на X пленуме Союза писателей СССР была подвергнута критике:

Я хочу сказать, что Берггольц, как и некоторые другие поэты, заставила звучать в стихах исключительно тему страдания, связанную с бесчисленными бедствиями граждан осаждённого города.

— **А. Прокофьев**

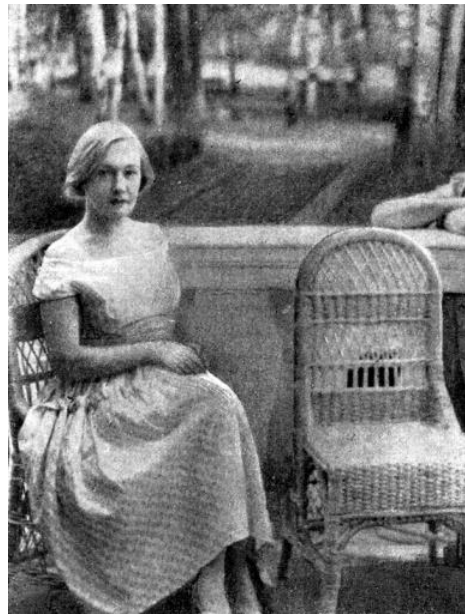
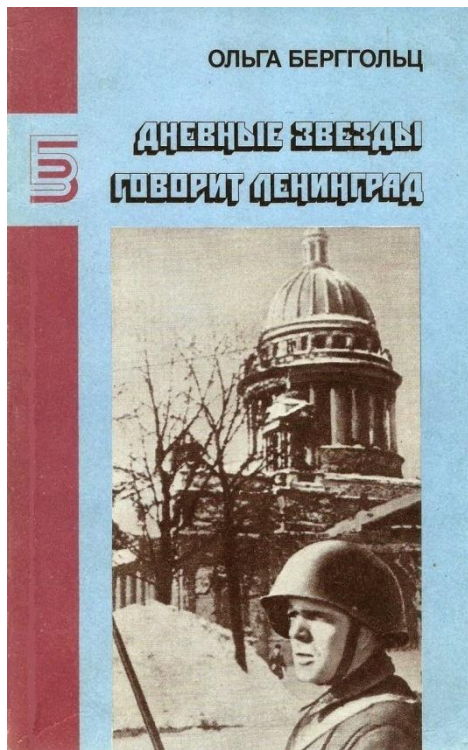
На критику Берггольц ответила стихом:

*<...>И даже тем, кто всё хотел бы сгладить
в зеркальной робкой памяти людей,
не дам забыть, как падал ленинградец
на жёлтый снег пустынных площадей.*

После войны на гранитной стене Пискаревского мемориального кладбища, где покоятся 470 000 ленинградцев, умерших во время **Блокады** и в боях при защите города, были высечены именно её слова:

*Здесь лежат ленинградцы.
Здесь горожане — мужчины, женщины, дети.
Рядом с ними солдаты-красноармейцы.
Всею жизнью своею
Они защищали тебя, Ленинград,
Колыбель революции.
Их имён благородных мы здесь перечислить не
сможем,
Так их много под вечной охраной гранита.
Но знай, внимающий этим камням:
Никто не забыт и ничто не забыто.*

Ольга Берггольц — Мы предчувствовали полыханье

**Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.**

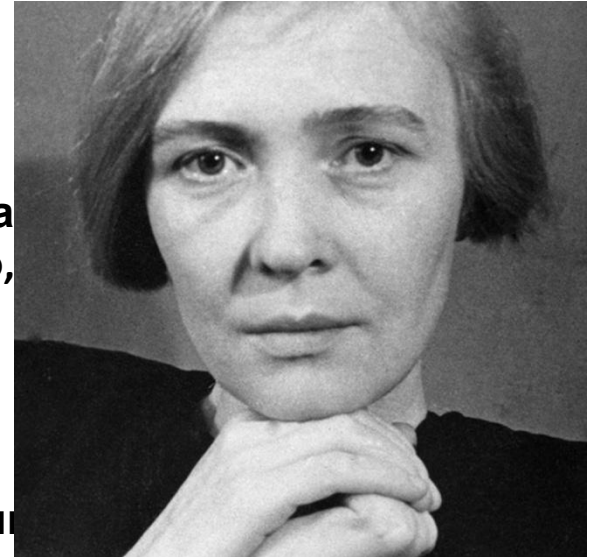
**Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!**

**Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла
это не со мной — с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.**

**Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена,
встала бы на зов Твой из могилы
все б мы встали, а не я одна.**

**Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.**

**Он настал, наш час, и что он значит —
только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя — я не могу иначе,
я и Ты по-прежнему — одно.**

Ольга Берггольц – блокадная муза Ленинграда

В годы Великой Отечественной войны, оставаясь в осажденном Ленинграде, работала на радио, почти ежедневно обращаясь к мужеству жителей города. В это время Берггольц создала свои лучшие поэмы, посвященные защитникам Ленинграда: «Февральский дневник» (1942), «Ленинградскую поэму» (1942).

После войны выходит ее книга «Говорит Ленинград» (1946) о работе на радио во время войны.

В годы Великой Отечественной войны Берггольц, оставаясь в родном городе все 900 дней блокады, работала на Ленинградском радио. Часто, обессиленная от голода, ночевала в студии, но никогда не теряла силы духа, поддерживая свои обращения к ленинградцам доверительными и мужественными стихами.

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНИГИ ЛИТАГЕНТСТВА

Ольга Берггольц

Говорит Ленинград
СТИХОТВОРЕНИЯ

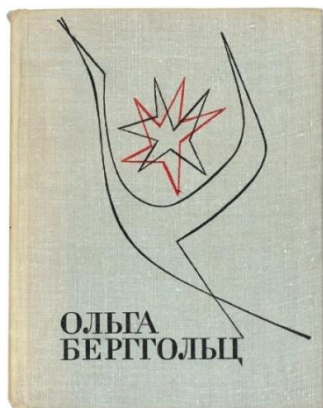

Ещё её называли ленинградской ласточкой

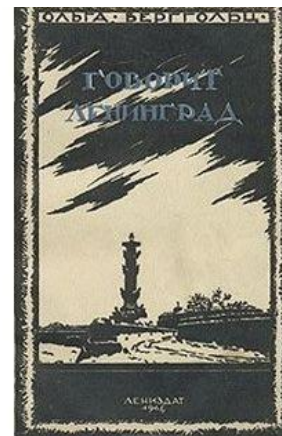
Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести,
это означало: "Жду письма".

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам, до Ленинграда,
с милой-милой родины дойдет.

Тихий голос Ольги Берггольц стал
голосом долгожданного друга в
застывших и темных блокадных
ленинградских домах, стал голосом
самого Ленинграда.

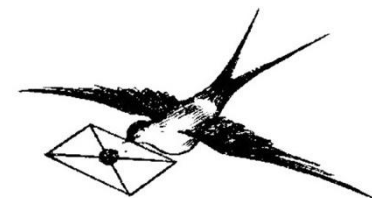
*«Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не героизмовала, а жила.»*

Бронзовый барельеф памяти Ольги
Берггольц у входа в дом радио.

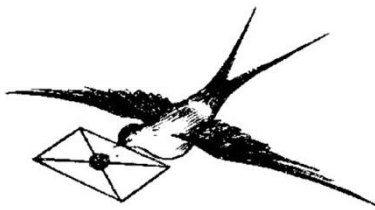

В блокадное время многие ленинградцы носили на груди жетон, маленький жестяной значок – ласточку с письмом в клюве. Этот знак стал ответом на заявления фашистов о том, что теперь в город даже птица не пролетит. Таким образом, жители осажденного Ленинграда показывали, что ждут хороших вестей с фронта, что не теряют связи со своей страной. «Блокадная ласточка» – символ надежды на лучшее, на скорую встречу с родными и близкими. Позже ласточки стали и живыми символами надежды блокадного города. Осенью 41-го в целях маскировки на шпиль Адмиралтейства надели чехол. К лету 43-го в его парусине зияли дырки, прорванные осколками бомб и снарядов. В это время блокада уже была прорвана, но еще не снята, фашисты по-прежнему стояли у стен города и продолжали обстреливать и бомбить его. Для починки чехла на шпиль Адмиралтейства поднялись музыканты и альпинисты — Ольга Фирсова и Михаил Шестаков. Когда трудная и опасная работа была закончена, что под чехлом, чуть ниже шпиля под карнизом, оказались жилые гнезда ласточек. Верхолазы снова принялись за дело: распорол чехол снизу и затем зашили его выше гнезд. Обессиленные люди потратили дополнительно несколько часов, чтобы спасти птенцов от голодной смерти – ради жизни птиц, которая стала символом жизни

Блокадная ласточка

Весной сорок второго года
множество ленинградцев
носило на груди жетон —
ласточку с письмом в клюве.

Сквозь года, и радость, и невзгоды
вечно будет мне сиять одна —
та весна сорок второго года,
в осажденном городе весна.

Маленькую ласточку из жести
я носила на груди сама.
Это было знаком доброй вести
это означало: «Жду письма».

Этот знак придумала блокада.
Знали мы, что только самолет,
только птица к нам, до Ленинграда,
с милой-милой родины дойдет.

Сколько писем с той поры мне было.
Отчего же кажется самой
что доныне я не получил
самое желанное письмо?

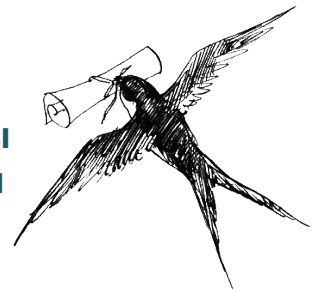
Чтобы к жизни, вставшей за словами,
к правде, влитой в каждую строку,
совестью припасть бы, как устами
в раскаленный полдень — к роднику.

Кто не написал его? Не выслал?
Счастье ли? Победа ли? Беда?
Или друг, который не отыскан
и не узнан мною навсегда?

Или где-нибудь доныне бродит
то письмо, желанное, как свет?
Ищет адрес мой и не находит
и, томясь, тоскует: где ж ответ?

Или близок день, и непременно
в час большой душевной тишины
я приму неслыханной, нетленной
весть, идущую еще с войны...

О, найди меня, гори со мною,
ты, давно обещанная мне
всем, что было,- даже той смешною
ласточкой, в осаде, на войне...

В ЭТОМ ДОМЕ
С 1932 ПО 1943 ГОД
ЖИЛА И РАБОТАЛА
ПОЭТ

ОЛЬГА
ФЕДОРОВНА
БЕРГГОЛЬЦ

Ольга Берггольц
Из блокнота сорок первого года

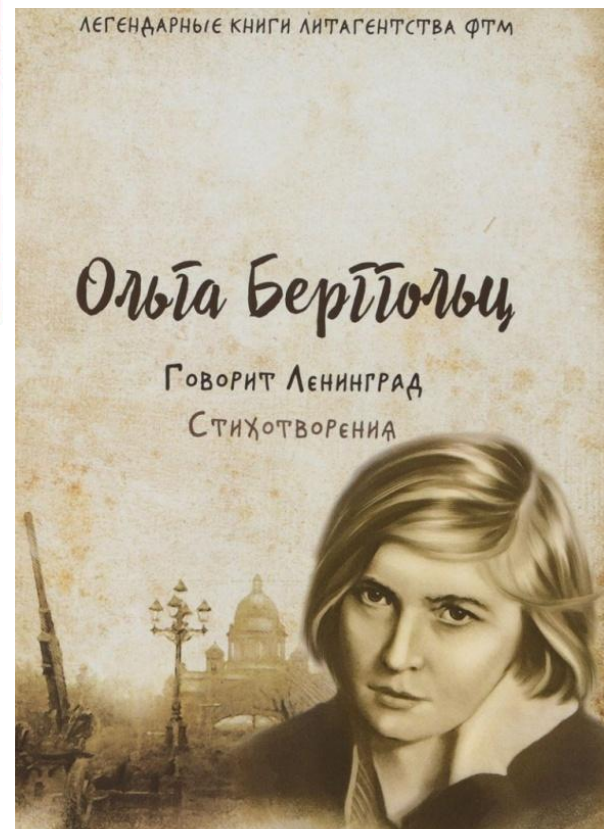
В бомбоубежище, в подвале,
нагие лампочки горят...
Быть может, нас сейчас завали
Кругом о бомбах говорят...

...Я никогда с такою силой,
как в эту осень, не жила.
Я никогда такой красивой,
такой влюбленной не была.

К сердцу Родины руку тянет
трижды проклятый миром
враг.

На огромнейшем поле брани
кровь отметила каждый шаг.
О, любовь моя, жизнь и
радость,
дорогая моя земля!

Из отрезанного Ленинграда
вижу свет твоего Кремля.
Всем, что есть у тебя живого,
чем страшна и прекрасна жизнь
кровью, пламенем, сталью, словом,—
задержи врага. Задержи!

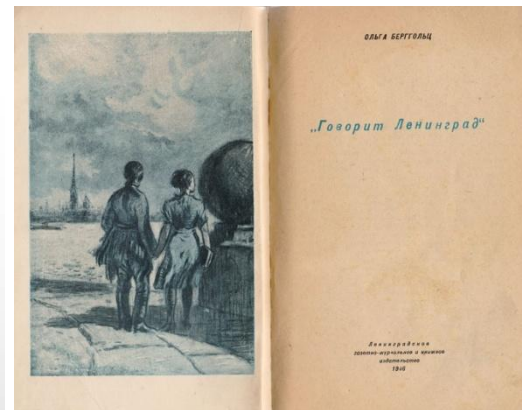

**О, ночное воющее небо,
дрожь земли, обвал не遠далеке,
бедный ленинградский ломтик хлеба —
он почти не весит на руке...**

- Ольга Берггольц вспоминает: «Я думаю, что никогда больше не будут люди слушать стихи так, как слушали стихи ленинградских поэтов в ту зиму голодные, опухшие еле живые ленинградцы. Мы знаем это потому, что они находили в себе даже силы писать об этом в радиокомитет... Бессмертным свидетельством величия духа ленинградцев останется эта деталь первой блокадной зимы — способность людей, испытывающих такие физические и нравственные терзания, отзываться на поэзию, на искусство».

...Я говорю с тобой под свист снарядов,

угрюмым заревом озарена.

Я говорю с тобой из Ленинграда,

страна моя, печальная страна...

Кронштадский злой, неукротимый ветер
в мое лицо закинутое бьет.

В бомбоубежищах уснули дети,

ночная стража встала у ворот.

Над Ленинградом — смертная угроза...

Бессонны ночи, тяжек день любой.

Но мы забыли, что такое слезы,
что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,

Не поколеблет грохот канонад,

и если завтра будут баррикады —

мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,

и дети нам патроны поднесут,

и надо всеми нами зацветут

старинные знамена Петрограда.

Руками сжав обугленное сердце,

такое обещание даю

я, горожанка, мать красноармейца,

погибшего под Стрельнею в бою.

Мы будем драться с беззаветной силой,

мы одолеем бешеных зверей,

мы победим, клянусь тебе, Россия,

от имени российских матерей!

Ольга Берггольц — Я буду сегодня с тобой говорить

...Я буду сегодня с тобой говорить,
товарищ и друг мой ленинградец,
о свете, который над нами горит,
о нашей последней отраде.

Товарищ, нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но мы не забыты с тобой, не одни, —
и это уже победа.

Смотри — материнской тоской полна,
за дымной грядой осады,
не сводит очей воспаленных страна
с защитников Ленинграда.

Так некогда, друга отправив в поход,
на подвиг тяжелый и славный,
рыдая, глядела века напролет
со стен городских Ярославна
молила, чтоб ветер хотел нас домчал
до друга сквозь дебри и выси...
А письма летят к Ленинграду сейчас
как в песне, десятками тысяч.

Сквозь пламя и ветер летят и летят,
их строки размыты слезами.
На ста языках об одном говорят:
«Мы с вами, товарищи, с вами!»

А сколько посылок приходит с утра
сюда, в ленинградские части!
Как пахнут и варежки, и свитера
забытым покоем и счастьем...

И нам самолеты послала страна,
да будем еще неустанней, —
их мерная, гулкая песня слышна,
и видно их крыльев блистанье.

**Товарищ, прислушайся, встань,
улыбнись
и с вызовом миру поведай:
— За город сражаемся мы не одни, —
и это уже победа.**

**Спасибо. Спасибо, родная страна
за помощь любовью и силой.**
Спасибо за письма, за крылья для нас,
за варежки тоже спасибо.

Спасибо тебе за тревогу твою, —
она нам дороже награды.
О ней не забудут в осаде, в бою
защитники Ленинграда.

**Мы знаем — нам горькие выпали дни,
грозят небывалые беды,
но Родина с нами, и мы не одни,
и нашею будет победа.**

Ольга Берггольц — Сестре

**Машенька, сестра моя, москвичка!
Ленинградцы говорят с тобой.
На военной грозной перекличке
слышишь ли далекий голос мой?**

Знаю — слышишь. Знаю — всем знакомым
ты сегодня хвастаешь с утра:
— Нынче из отеческого дома
говорила старшая сестра. —

...Старый дом на Палевском, за Невской,
низенький зеленый палисад.
Машенька, ведь это — наше детство,
школа, елка, пионеротряд...

Вечер, клены, мандолины струны
с соловьем заставским вперебой.
Машенька, ведь это наша юность,
комсомол и первая любовь.

А дворцы и фабрики заставы?
Труд в цехах неделями подряд?
Машенька, ведь это наша слава,
наша жизнь и сердце — Ленинград.

Машенька, теперь в него стреляют,
прямо в город, прямо в нашу жизнь.
Пленом и позором угрожают,
кандалы готовят и ножи.

Но, жестоко душу напрягая,
смертно ненавидя и скорбя,
я со всеми вместе присягаю
и даю присягу за тебя.

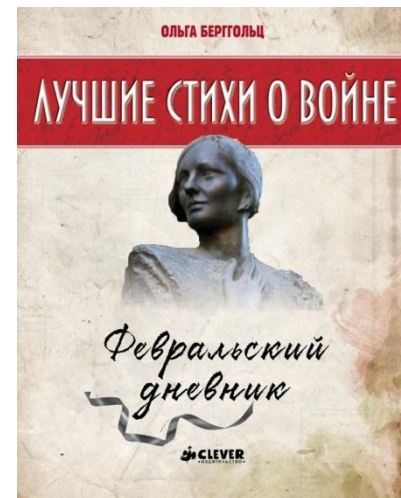
Присягаю ленинградским ранам,
первым разоренным очагам:
не сломясь, не дрогну, не устану,
ни крупницы не прощу врагам.

**Нет! По жизни и по Ленинграду
полчища фашистов не пройдут.
В низеньком зеленом полисаде
лучше мертвой наземь упаду.**

Но не мы — они найдут могилу.
Машенька, мы встретимся с тобой.
Мы пройдемся по заставе милой,
по зеленой, синей, голубой.

Мы пройдемся улицею длинной,
вспомним эти горестные дни
и услышим говор мандолины,
и увидим мирные огни.

**Расскажи ж друзьям своим в столи
— Стоек и бесстрашен Ленинград.
Он не дрогнет, он не покорится, —
так сказала старшая сестра.**

Февральский дневник

1

Был день как день.
Ко мне пришла подруга,
не плача, рассказала, что вчера
единственного схоронила друга,
и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова?
Я тоже — ленинградская вдова.
Мы съели хлеб, что был отложен на день,
в один платок закутались вдвоем,
и тихо-тихо стало в Ленинграде,
Один, стуча, трудился метроном.

И стыли ноги, и томила свечка...
Вокруг ее слепого огонька
образовалось лунное колечко,
похожее на радугу слегка.

Когда немного посветлело небо,
мы вместе вышли за водой и хлебом
и услышали дальней канонады
рыдающий, тяжелый, мерный гул:
то армия рвала кольцо блокады,
вела огонь по нашему врагу.

2

А город был в дремучий убран иней.
Уездные сугробы, тишина.
Не отыскать в снегах трамвайных линий,
одних полозьев жалоба слышна.

Скрипят, скрипят по Невскому полозья:
на детских сапках, узеньких, смешных,
в кастрюльках воду голубую возят,
дрова и скарб, умерших и больных.

Так с декабря кочуют горожане, —
за много верст, в густой туманной мгле,
в глуши слепых обледеневших зданий
отыскивая угол потеплей.

Вот женщина ведет куда-то мужа:
седая полумаска на лице,
в руках бидончик — это суп на ужин...
Свистят снаряды, свирепеет стужа.

Товарищи, мы в огненном кольце!
А девушка с лицом заиндевелым,
упрямо стиснув почерневший рот,
завернутое в одеяло тело
на Охтенское кладбище везет.
Везет, качаясь, — к вечеру добраться б...
Глаза бесстрастно смотрят в темноту.
Скинь шапку, гражданин.
Провозят ленинградца.
погибшего на боевом посту.
Скрипят полозья в городе, скрипят...
Как многих нам уже не досчитаться!
Но мы не плачем: правду говорят,
что слезы вымерзли у ленинградцев.

6

Я никогда героем не была.
Не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
я не геройствовала, а жила.

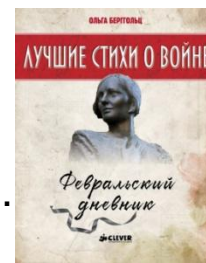
И не хвальною я тем, что в дни блокады
не изменяла радости земной,
что, как роса, сияла эта радость,
угрюмо озаренная войной.

И если чем-нибудь могу гордиться,
то, как и все друзья мои вокруг,
горжусь, что до сих пор могу трудиться,
не складывая ослабевших рук.

Горжусь, что в эти дни, как никогда,
мы знали вдохновение труда.
В грязи, во мраке, в голоде, в печали,
где смерть, как тень, тащилась по пятам,
такими мы счастливыми бывали,
такой свободой бурною дышали,
что внуки позавидовали б нам.

О да, мы счастье страшное открыли, —
достойно не воспетое пока,
когда последней коркою делились,
последнею щепоткой табака,
когда вели полночные беседы
у бедного и дымного огня,
как будем жить, когда придет победа,
всю нашу жизнь по-новому ценя.

1942

Ольга Берггольц — Анна Ахматова в 1941 году в Ленинграде

У Фонтанного дома, у Фонтанного дома
у подъездов, глухо запахнутых,
у резных чугунных ворот
гражданка Анна Андреевна Ахматова,
поэт Анна Ахматова
на дежурство ночью встает.

На левом бедре ее
тяжелеет, обвиснув, противогаз,
а по правую руку, как всегда, налегке,
в покрывале одном,
приоткинута
над сиянием глаз,
гостя милая — Муза
с легкою дудочкою в руке.

А напротив, через Фонтанку, —
немые сплошные дома,
окна в белых крестах. А за ними ни искры,
ни зги.
И мерцает на стеклах
жемчужно-прозрачная тьма.
И на подступах ближних отброшены
снова враги.

О, кого ты, кого, супостат, захотел
превозмочь?
Или Анну Ахматову,
вставшую у Фонтанного дома,
от Армии невядалеке?
Или стражу ее, ленинградскую белую ночь?
Или Музу ее со смертельным оружием,
с легкой дудочкой в легкой руке?

Ленинградская поэма

I

Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.

— Сменяй на платье,— говорит,—
менять не хочешь — дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.

Его за хлеб сколотят нам.

Отдай. Ведь ты сама рожала... И сил хватило — привести
И я сказала: — Не отдам. — ее к себе, шепнув угрюмо:
И бедный ломоть крепче сжала. — На, съешь кусочек, съешь... прости.

— Отдай,— она просила,— ты
сама ребенка хоронила.
Я принесла тогда цветы,
чтоб ты украсила могилу. —

...Как будто на краю земли,
одни, во мгле, в жестокой схватке.
две женщины, мы рядом шли,
две матери, две ленинградки.

И, одержимая, она
молила долго, горько, робко.

И сил хватило у меня

не уступить мой хлеб на гробик,

Перед лицом твоим, Война,
я поднимаю клятву эту,
как вечной жизни эстафету,
что мне друзьями вручена.

Их множество — друзей моих,
друзей родного Ленинграда.

О, мы задохлись бы без них
в мучительном кольце блокады.

II

.....

.....

III

О да — иначе не могли
ни те бойцы, ни те шоферы,
когда грузовики вели
по озеру в голодный город.

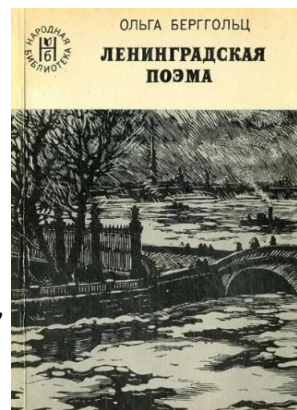
Холодный ровный свет луны,
снега сияют иступленно,
и со стеклянной вышины

вдруг отчетливо видны
внизу идущие колонны.

И воет, воет небосвод,
и свищет воздух, и скрежещет,
под бомбами ломаясь, лед,
и озеро в воронки плещет.

Но вражеской бомбежки хуже,
еще мучительней и злей —
сорокаградусная стужа,
владычащая на земле.

Казалось — солнце не взойдет.
Навеки ночь в застывших звездах,
навеки лунный снег, и лед,
и голубой свистящий воздух.

Казалось, что конец земли...

Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.

На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
там матери под темным небом
толпой у булочной стоят,

и дрогнут, и молчат, и ждут,
прислушиваются тревожно:
— К заре, сказали, привезут...
— Гражданочки, держаться
можно...—

И было так: на всем ходу
машина задняя осела.
Шофер вскочил, шофер на льду.
— Ну, так и есть — мотор заело.

Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
да рук не разогнуть никак:
их на руле свело морозом.

Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других
дождаться?

И вот — в бензине руки он
смочил, поджег их от мотора,
и быстро двинулся ремонт
в пылающих руках шофера.

Вперед! Как ноют волдыри,
примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
к хлебопекарне до зари.

Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре —
сто двадцать пять блокадных
грамм
с огнем и кровью пополам.

...О, мы познали в декабре —
не зря «священным даром»
назван
обычный хлеб, и тяжкий грех —
хотя бы крошку бросить наземь:

таким людским страданьем он,
такой большой любовью
братской
дорогой жизни, посвящен хлеб,
дорогой дружбы, многих к многим.
В Ленинграде на земле
страшней и радостней дороги.

И я навек тобой горда,
сестра моя, москвичка Маша,
за твой февральский путь сюда,
в блокаду к нам, дорогой нашей.

Золотоглаза и строга,
как пруттик, тоненькая станом,
в огромных русских сапогах,
в чужом тулупчике, с наганом,—

и ты рвалась сквозь смерть и лед,
как все, тревогой одержима,—
моя отчизна, мой народ,
великодушный и любимый.

И ты вела машину к нам,
подарков полную до края.
Ты знала —я теперь одна,
мой муж погиб, я голодаю.

Но то же, то же, что со мной,
со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
и я и горе Ленинграда.

И, ночью плача за меня,
ты забирала на рассветах
в освобожденных деревнях
посылки, письма и приветы.

Записывала: «Не забыть:
деревня Хохрино. Петровы.
Зайти на Мойку сто один
к родным. Сказать, что все здоровы,

что Митю долго мучил враг,
но мальчик жив, хоть очень
слабый...»

О страшном плене до утра
тебе рассказывали бабы.

и лук собирали по дворам,
в холодных, разоренных хатах:
— На, питерцам свезешь, сестра.
Проси прощенья — чем богаты...

И ты рвалась — вперед, вперед,
как луч, с неодолимой силой.
Моя отчизна, мой народ,
родная кровь моя,— спасибо!

V

.....
.....

VI

Вот так, исполнены любви,
из-за кольца, из тьмы разлуки
друзья твердили нам: «Живи!»,
друзья протягивали руки.

Оледеневшие, в огне,
в крови, пронизанные светом,
они вручили вам и мне
единой жизни эстафету.

Безмерно счастье мое.
Спокойно говорю в ответ им:
— Друзья, мы приняли ее,
мы держим вашу эстафету.

Мы с ней прошли сквозь дни зимы.
В давящей мгле ее терзаний
всей силой сердца жили мы,
всем светом творческих дерзаний.

Да, мы не скроем: в эти дни
мы ели землю, клей, ремни;
но, съев похлебку из ремней,
вставал к станку упрямый мастер,
чтобы точить орудий части,
необходимые войне.

Но он точил, пока рука
могла производить движенья.
И если падал — у станка,
как падает солдат в сраженье.

И люди слушали стихи,
как никогда,— с глубокой верой,
в квартирах черных, как пещеры,
у репродукторов глухих.

И обмерзающей рукой,
перед коптилкой, в стуже адской,
гравировал гравер седой
особый орден — ленинградский.

Колючей проволокой он,
как будто бы венцом терновым,
кругом — по краю — обведен,
блокады символом суровым.

В кольце, плечом к плечу, втроем
—
ребенок, женщина, мужчина,
под бомбами, как под дождем,
и над глазами — зенитовый.
она гласит не о награде,
она спокойна и строга:
«Я жил зимою в Ленинграде».

Так дрались мы за рубежи
твои, возлюбленная Жизнь!
И я, как вы,— упряма, зла,—
за них сражалась, как умела.

Душа, крепясь, превозмогла
предательскую немощь тела.

И я утрату понесла.
К ней не притронусь даже
словом —
такая боль... И я смогла,
как вы, подняться к жизни снова.

Затем, чтоб вновь и вновь
сражаться
за жизнь.
Носитель смерти, враг —
опять над каждым ленинградцем
заносит кованый кулак.

Но, не волнуясь, не боясь,
гляжу в глаза грядущим
схваткам:
ведь ты со мной, страна моя,
и я не даром — ленинградка.

Так, с эстафетой вечной жизни,
тобой врученную, отчизна,
иду с тобой путем единым,
во имя мира твоего,
для давящей, но
и светлой песни для него.
ее, заветную мою,
сложила я нетерпеливо
сейчас, в блокаде и в бою.

Не за нее ль идет война?
Не за нее ли ленинградцам
еще бороться, и мужаться,
и мстить без меры? Вот она:

— Здравствуй, крестник
красных командиров,
милый вестник,
вестник мира...

Сны тебе спокойные приснятся
битвы стихли на земле ночной.
Люди неба больше не боятся,
неба, озаренного луной.

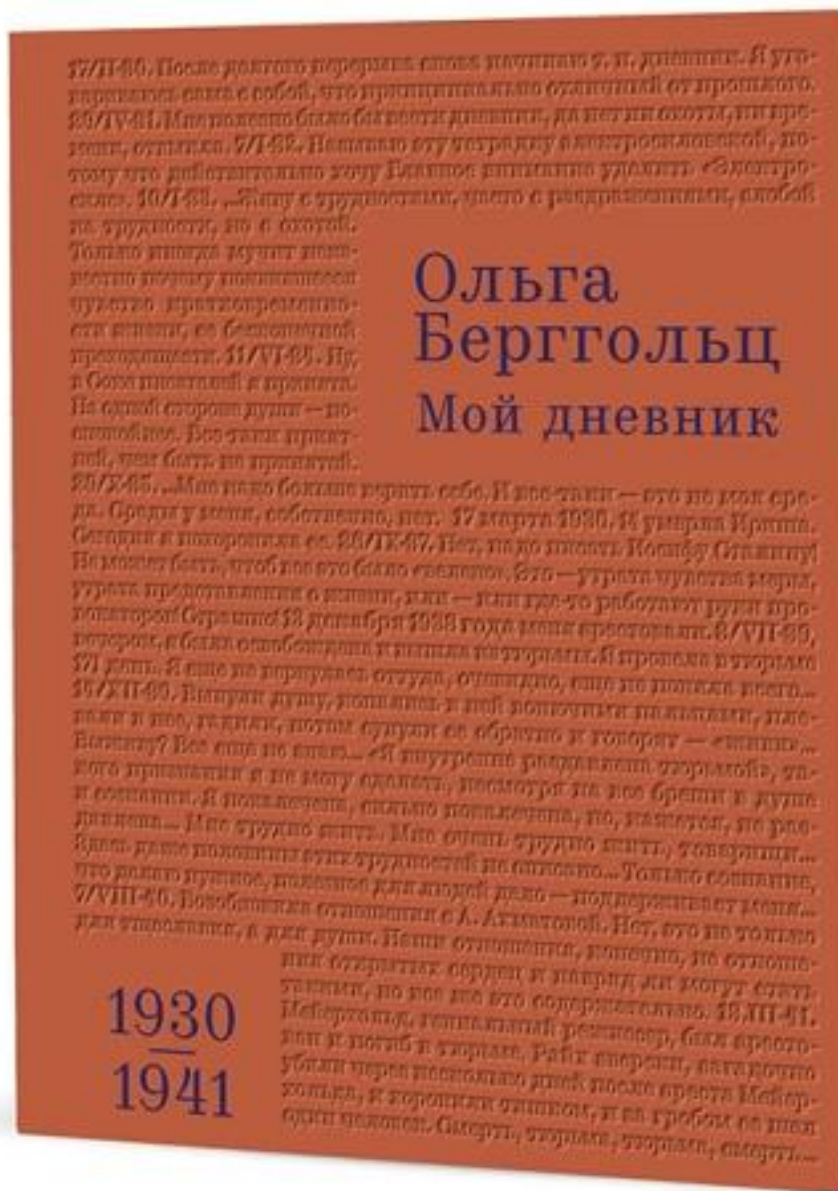
В синей-синей глубине эфира
молодые облака плывут.
Над могилой красных командиров
мудрые терновники цветут.

Ты проснешься на земле цветущей,
вставшей не для боя — для труда.

Ты услышишь ласточек поющих:
ласточки вернулись в города.

Гнезда вьют они — и не боятся!
Вьют в стене пробитой, под окном:
крепче будет гнездышко держаться,
люди больше не покинут дом.

Так чиста теперь людская радость,
точно к миру прикоснулась вновь.
Здравствуй, сын мой, жизнь моя, наград...,
здравствуй, победившая любовь!

Тихий голос Ольги Берггольц стал голосом долгожданного друга в застывших и темных блокадных ленинградских домах, стал голосом самого Ленинграда. Ольга Берггольц в одночасье вдруг стала поэтом, олицетворяющим стойкость Ленинграда.

Армия

Мне скажут — Армия... Я вспомню день — зимой, январский день сорок второго года. Моя подруга шла с детьми домой — они несли с реки в бутылках воду.

Их путь был страшен, хоть и недалек. И подошел к ним человек в шинели, взглянул — и вынул хлебный свой паек, трехсотграммовый, весь обледенелый,

и разломил, и детям дал чужим, и постоял, пока они поели. И мать рукою серою, как дым, дотронулась до рукава шинели.

Дотронулась, не посветлев в лице... Не видал мир движенья благородней! Мы знали все о жизни наших армий, стоявших с нами в городе, в кольце.

...Они расстались. Мать пошла направо, боец вперед — по снегу и по льду. Он шел на фронт, за Нарвскую заставу, от голода качаясь на ходу.

Он шел на фронт, мучительно палим стыдом отца, мужчины и солдата: огромный город умирал за ним в седых лучах январского заката.

Он шел на фронт, одолевая бред, все время помня — нет, не помня — зная, что женщина глядит ему вослед, благодаря его, не укоряя.

Он снег глотал, он чувствовал с досадой, что слишком тяжелеет автомат, добрел до фронта и попал в засаду на истребление вражеских солдат...

...Теперь ты понимаешь — почему нет Армии на всей земле любимей, нет преданней ее народу своему, великодушней и непобедимей!

*Мы засыпали с думой о тебе.
Мы на заре включали
репродуктор,
чтобы услышать о твоей
судьбе.
Тобою начиналось наше утро.
В заботах дня десятки раз
подряд,
сжимая зубы, затаив дыханье,
твердили мы:
— Мужайся, Сталинград!—
Сквозь наше сердце шло твое
страданье.*

Накануне

...Запомни эти дни.
Прислушайся немного,
и ты — душой — услышишь в тот же час:
она пришла и встала у порога,
она готова в двери постучать.

Она стоит на лесничной площадке,
на темной,
на знакомой до конца,
в солдатской, рваной, дымной плащ-палатке,
кровавый пот не вытерла с лица.

Она к тебе спешила из похода
столь тяжкого,
что слов не обрести,
Она ведь знала: все четыре года
ты ждал ее,
ты знал ее пути.

**Ты отдал все, что мог, ее дерзанию:
всю жизнь свою,
всю душу,
радость,
плач.**

**Ты в ней не усомнился в дни страданий,
не возгордился праздно в дни удач.**

Ты с этой самой лесничной площадки
подряд четыре года провожал
тех — самых лучших,
тех, кто без оглядки
ушел к ее бессмертным рубежам.

И вот — она у твоего порога.
Дыханье переводит и молчит.
Ну — день, ну — два, еще совсем немного,
ну — через час — возьмет и постучит.

Запомни ж все.
Пускай навеки память
до мелочи, до капли сохранит
все, чем ты жил,
что говорил с друзьями,
все, что видал,
что думал в эти дни.

**Запомни даже небо и погоду,
все впитывай в себя,
всему внимли:
ты ведь живешь весной такого года,
который назовут — Весной Земли.**

**Запомни ж все! И в будничных тревогах
на всем чистейший отблеск отмечай.
Стоит Победа на твоём пороге.
Сейчас она войдет к тебе.
Встречай!**

Второй разговор с соседкой

Дарья Власьевна, соседка, здравствуй!
Вот мы встретились с тобой опять.
В дни весны желанной ленинградской
надо снова нам потолковать.

Мы с тобою танков не взрывали.
Мы в чаду обыденных забот
безымянные высоты брали,—
но на карте нет таких высот.

Где помечена твоя крутая
лестница, ведущая домой,
по которой, с голоду шатаясь,
ты ходила с ведрами зимой?

Где помечена твоя дорога,
по которой десять раз прошла
и сама — в пургу, в мороз, в тревогу
пятерых на кладбище свезла?

Вот она — святая память наша,
сбереженная на все века...
Что ж ты плачешь,
что ты, тетя Даша?
Нам еще нельзя с тобой пока.

Дарья Власьевна, не мы, так кто же
отчий дом к победе приберет?
Кто ребятам-сиротам поможет,
юным вдовам слезы оботрет?

Это нам с тобой, хлебнувшим горя,
чьи-то души греть и утешать.
Нам, отдавшим все за этот город,—
поднимать его и украшать.

Нам, не позабыв о старых бедах,
сотни новых вынести забот,
чтоб сынов, когда придут с победой,
хлебом-солью встретить у ворот.

Дарья Власьевна, нам много дела,
точно под воскресный день в дому.
Ты в беде сберечь его сумела,
ты и счастье вернешь ему.

Счастье извечное людское,
что в бреду, в крови, во мгле боев
сберегло и вынесло простое
сердце материнское твое.

Послевоенное время не принесло успокоения: поэтессу обвинили в дружбе с опальной Ахматовой, упрекали в том, что в ее военных стихах слишком много горечи и страданий. Книгу *«Говорит Ленинград»*, выпущенную после войны, изъяли из библиотек. Ольгу не раз вызывали на допросы, поэтому, чтобы не привлекать внимание органов, она прятала свои рукописи и дневники. И всегда носила в сумочке зубную щетку и запасные чулки - понимала, что арестовать могут в любой момент.

После войны выходит книга Берггольц *«Говорит Ленинград»* о работе на радио во время войны. Также она написала пьесу *«Они жили в Ленинграде»*, поставленную в театре Таирова.

В 1948 году в Москве выходит *«Избранное»*, спустя 10 лет — Собрание сочинений в двух томах.

В 1950 году в журнале *«Знамя»* было опубликовано главное произведение Ольги Берггольц — поэма *«Первороссийск»*, через год отмеченная Сталинской премией.

В 1952 году — цикл стихов о Сталинграде. После командировки в Севастополь создала трагедию *«Верность»* (1954). Новой ступенью в творчестве Берггольц явилась прозаическая книга *«Дневные звёзды»* (1959), позволяющая понять и почувствовать «биографию века», судьбу поколения.

В дни прощания с о

. В. Сталиным в газете *«Правда»* были опубликованы следующие строки поэтессы:

*Обливается сердце кровью...
Наш любимый, наш дорогой!
Обхватив твоё изголовье,
Плачет Родина над Тобой.*

В других стихах Берггольц так отзывалась о смерти Сталина:

*О, не твои ли трубы рыдали
Четыре ночи, четыре дня
С пятого марта в Колонном зале
Над прахом, при жизни кромсавшим меня...*

(«Пять обращений к трагедии»)

С 1949 по 1962 год (заявление о разводе опубликовано 3 октября 1961 года) состояла в браке с профессором кафедры русской литературы ЛГУ Г. П. Макогоненко. Прийти в себя после смерти мужа помог коллега, сотрудник радиокомитета Георгий Макогоненко. Он вернул ее к жизни, а она вышла за него замуж. По сути, это был обман - на самом деле Ольга продолжала любить своего Колю... В 1952 году лечилась от алкогольной зависимости в психиатрической больнице.

В середине 1950-х — начале 1960-х несколько стихотворений Берггольц были распространены в самиздате. В 1960-е вышли её поэтические сборники *«Узел»*, *«Испытание»*, в 1970-е — *«Верность»*, *«Память»*.

В 1960 году выходит книга *«Дневные звёзды»*.

В 1968 году Берггольц открывает памятник своему первому мужу Борису Корнилову на родине поэта в городе Семёнове.

Последняя напечатанная новая книга — сборник стихотворений *«Память»*, вышедший в 1972 году в Москве.

Я иду по местам боев.

Я по улице нашей иду.

**Здесь оставлено сердце мое
в том свирепо-великом году.**

Здесь мы жили тогда с тобой.

**Был наш дом не домом, а дотом,
окна комнаты угловой-
амбразурами пулеметам.**

**И всё то, что было вокруг - огонь и лед,
и шаткая кровля,-
было нашей любовью, друг,
нашей гибелью, жизнью, кровью.**

**В том году, в том бреду, в том чаду,
в том, уже первобытном, льду,
я тебя, мое сердце, найду,
может быть, себе на беду.**

**Но такое, в том льду, в том огне,
ты всего мне сейчас нужней.**

1964

Ольга Берггольц — 29 января 1942

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбыть проклятый срок!
А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрек.

Зачем, зачем?
Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.
Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.

Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.

И разве для меня победы будут?
В чем утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна — везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...

Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила. Жила
всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю ее истратила дотла.

На песни. На пустячные желанья.
На страсть и ревность — пусть придет другой.
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землею.
Ну что ж, пусть будет так...

**Это всё неправда. Ты любим.
Ты навек останешься моим.
Ничего тебе я не прощу.
Милых рук твоих не отпущу.
А тебе меня не оттолкнуть,
даже негодую и скорбя.
Как я вижу твой тернистый путь,
скрытый, неизвестный для тебя.
Только мне под силу, чтоб идти —
мне — с тобой по твоему пути...**

Встреча

На углу случилась остановка,
поглядела я в окно мельком:
в желтой куртке, молодой и ловкий,
проходил товарищ военком.

Я не знаю — может быть, ошибка,
может быть, напротив,— повезло:
самой замечательной улыбкой
обменялись мы через стекло.

А потом вперед пошел автобус,
закачался город у окна...
Я не знаю — может быть, мы оба
пожалели, может — я одна.

Я простая. Не люблю таиться.
Слушайте, товарищ военком:
вот мой адрес. Может, пригодится?
Может, забежите вечером?

Если ж снова я вас повстречаю
в Доме Красной Армии, в саду
или на проспекте — не смущайтесь,—
я к вам непременно подойду.

Очень страшно, что, случайно встретив
только из-за странного стыда,
может быть, вернейшего на свете
друга потеряешь навсегда...

Родине

1

Все, что пошлешь: нежданную беду,
свирепый иску́с, пламенное счастье,-
все вынесу и через все пройду.
Но не лишай доверья и участия.

Как будто вновь забьют тогда окно
щитом железным, сумрачным и ржавым...
Вдруг в этом отчуждении неправом
наступит смерть — вдруг станет все равно.

2

Не искушай доверья моего.
Я сквозь темницу пронесла его.
Сквозь жалкое предательство друзей.
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.
Ни помыслом, ни делом не солгу.
Не искушай — я больше не могу...

3

Изранила и душу опалила,
лишила сна, почти свела с ума...
Не отнимай хоть песенную силу,-
не отнимай,- расквасишься сама!

Не отнимай, чтоб горестный и славный
твой путь воспеть. Чтоб хоть в немой строке
мне говорить с тобой, как равной с равной,-
на вольном и жестоком языке!

Моя медаль

...Осада длится, тяжкая осада,
невиданная ни в одной войне.
Медаль за оборону Ленинграда
сегодня Родина вручает мне.

Не ради славы, почестей, награды
я здесь жила и всё могла снести:
медаль «За оборону Ленинграда»
со мной, как память моего пути.

Ревнивая, безжалостная память!
И если вдруг сожнёт меня печаль, –
я до тебя тогда коснусь руками,
медаль моя, солдатская медаль.

Я вспомню всё и выпрямлюсь, как надо
чтоб стать ещё упрямей и сильнее...
Взывай же чаще к памяти моей,
медаль «За оборону Ленинграда».

...Война ещё идёт, ещё – осада.
И, как оружие новое в войне,
сегодня Родина вручила мне
медаль «За оборону Ленинграда».

27 января 1945 года

...Сегодня праздник в городе.
Сегодня
мы до утра, пожалуй, не уснем.
Так пусть же будет как бы новогодней
и эта ночь, и тосты за столом.

Мы в эту ночь не раз поднимем чаши
за дружбу незапятнанную нашу,
за горькое блокадное родство,
за тех,
кто не забудет ничего.

И первый гост, воинственный и братский,
до капли, до последнего глотка,—
за вас, солдаты армий ленинградских,
осадою крещенные войска,

за вас, не дрогнувших перед проклятым
сплошным потоком стали и огня...

Бойцы Сорок второй,
Пятьдесят пятой,
Второй Ударной,—
слышите ль меня?

.....

Так выше, друг, торжественную чашу
за этот день,
за будущее наше,
за кровное народное родство,
за тех,
кто не забудет ничего...

Любовь не прощает

Я сердце свое никогда не щадила:
ни в песне, ни в дружбе, ни в горе, ни в страсти...
Прости меня, милый. Что было, то было
Мне горько.
И все-таки всё это — счастье.

И то, что я страстно, горяче тоскую,
и то, что, страшась небывалой напасти,
на призрак, на малую тень негодую.
Мне страшно...
И все-таки всё это — счастье.

Пускай эти слезы и это удушье,
пусть хлещут упреки, как ветки в ненастье.
Страшней — всепрощенье. Страшней —
равнодушие.
Любовь не прощает. И всё это — счастье.

Я знаю теперь, что она убивает,
не ждет сострадания, не делится властью.
Покуда прекрасна, покуда живая,
покуда она не утеха, а — счастье.

Взял неласковую, угрюмую,
с бредом каторжным, с темной думою,
с незажившей тоскою вдовьей,
с непрошедшей старой любовью,
не на радость взял за себя,
не по воле взял, а любя.

Ты у жизни мною добыт,
словно искра из кремня,
чтобы не расстаться, чтобы
ты всегда любил меня.
Ты прости, что я такая,
что который год подряд
то влюбляюсь, то скитаюсь,
только люди говорят...

Нет, безопасных троп не выбирает
судьба моя,
как всадник тот и конь —
тот, чью подкову ржавую сжимает,
как символ счастья, моя ладонь.

Дойду до края жизни, до обрыва,
и возвращусь опять.

И снова буду жить.

А так, как вы,- счастливо^й
мне не бывать.

Пусть голосуют дети

Я в госпитале мальчика видала.
При нём снаряд убил сестру и мать.
Ему ж по локоть руки оторвало.
А мальчику в то время было пять.

Он музыке учился, он старался.
Любил ловить зеленый круглый мяч...
И вот лежал — и застонать боялся.
Он знал уже: в бою постыден плач.

Лежал тихонько на солдатской койке
обрубки рук вдоль тела протянув...
О, детская невыносимая стойкость!
Проклятье разжигающим войну!

Проклятье тем, кто там, за океаном
за бомбовозом строит бомбовоз,
и ждет невыплаканных детских слез
и детям мира вновь готовит раны.

О, сколько их, безногих и безруких!
Как гулко в черствую кору земли,
не походя на все земные звуки,
стучат коротенькие костыли.

И я хочу, чтоб, не простив обиды,
везде, где люди защищают мир,
являлись маленькие инвалиды,
как равные с храбрейшими людьми.

Пусть ветеран, которому от роду
двенадцать лет,
когда замрут вокруг,
за прочный мир,
за счастье народов
подымет ввысь обрубки детских рук.

Пусть уличит истерзанное детство
тех, кто войну готовит,- навсегда,
чтоб некуда им больше было деться
от нашего грядущего суда.

Ласточки над обрывом

Пришла к тому обрыву
судьбе взглянуть в глаза.
Вот здесь была счастливой
я много лет назад...

Морская даль синела,
и бронзов был закат.
Трава чуть-чуть свистела,
как много лет назад.

И так же пахло мятой,
и плакали стрижи...
Но чем свои утраты,
чем выкуплю — скажи?

Не выкупить, не вымолить
и снова не начать.
Проклятия не вымолвить.
Припомнить и — молчать.

Так тихо я сидела,
закрыв лицо платком,
что ласточка задела
плечо мое — крылом...

2

Стремясь с безумной высоты,
задела ласточка плечо мне.
А я подумала, что ты
рукой коснулся, что-то вспомнив.

И обернулась я к тебе,
забыв обиды и смятенье,
прощая все своей судьбе
за легкое прикосновенье.

3

Как обрадовалась я
твоему прикосновенью,
ласточка, судьба моя,
трепет, дерзость, искушенье!

Точно встала я с земли,
снова миру улыбнулась.
Точно крылья проросли
там, где ты крылом коснулась.

Полынь

Но сжала рот упрямо я,
замкнула все слова.
Полынь, полынь, трава моя,
цвела моя трава.

Все не могли проститься мы,
все утаили мы.
Ты взял платок мой ситцевый,
сорвал кусок каймы...

Зачем платок мой порванный,
что сделал ты с каймой?..
Зачем мне сердце торное
от поступи земной?..

Зачем мне милые слова
от нелюбых — чужих?..
Полынь, полынь, моя трава,
на всех путях лежит...

*Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.*

Бабье лето

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зноя.
Оно называется бабье лето
и в прелести спорит с самою весною.

Уже на лицо осторожно садится
летучая, легкая паутина...
Как звонко поют запоздалые птицы!
Как пышно и грозно пылают куртины!

Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревливой.

О мудрость щедрейшего бабьего лета,
с отрадой тебя принимаю... И всё же,
любовь моя, где ты, аукнемся, где ты?
А рощи безмолвны, а звезды всё строже...

Вот видишь — проходит пора звездопада
и, кажется, время навек разлучаться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться

Листопад

*Осенью в Москве на бульварах вывешивают
дощечки с надписью «Осторожно, листопад!»*

Осень, осень! Над Москвою
Журавли, туман и дым.
Златосумрачной листвою
Загораются сады.

И дощечки на бульварах
всем прохожим говорят,
одиначкам или парам:
«Осторожно, листопад!»

О, как сердцу одиноко
в переулочке чужом!
Вечер бродит мимо окон,
вздрагивая под дождем.

Для кого же здесь одна я,
кто мне дорог, кто мне рад?
Почему припоминаю:
«Осторожно, листопад»?

Ничего не нужно было,-
значит, нечего терять:
даже близким, даже милым,
даже другом не называть.

Почему же мне тоскливо,
что прощаемся навек,
Невеселый, несчастливый,
одинокий человек?

Что усмешки, что небрежность?
Перетерпишь, переждешь...
Нет — всего страшнее нежность
на прощание, как дождь.

Темный ливень, теплый ливень
весь — сверканье и дрожь!
Будь веселым, будь счастливым
на прощание, как дождь.

...Я одна пойду к вокзалу,
проводатым откажу.
Я не все тебе сказала,
но теперь уж не скажу.

Переулок полон ночью,
а дощечки говорят
проходящим одиначкам:
«Осторожно, листопад»...

Мой дом

А в доме, где жила я много лет,
откуда я ушла зимой блокадной,
по вечерам опять в окошках свет.
Он розоватый, праздничный, нарядный.

Взглянув на бывших три моих окна,
я вспоминаю: здесь была война.
О, как мы затемнялись! Ни луча...
И все темнело, все темнело в мире...
Потом хозяин в дверь не постучал,
как будто путь забыл к своей квартире.

Где до сих пор беспамятствует он,
какой последней кровлей осенен?
Нет, я не знаю, кто живет теперь
в тех комнатах, где жили мы с тобою,
кто вечером стучится в ту же дверь,
кто синеватых не сменил обоев —

тех самых, выбранных давным-давно...
Я их узнала с улицы в окно.

Но этих окон праздничный уют
такой забытый свет в сознание будит,
что верится: там добрые живут,
хорошие, приветливые люди.

Там даже дети маленькие есть
и кто-то юный и всегда влюбленный,
и только очень радостную весть
сюда теперь приносят почтальоны.

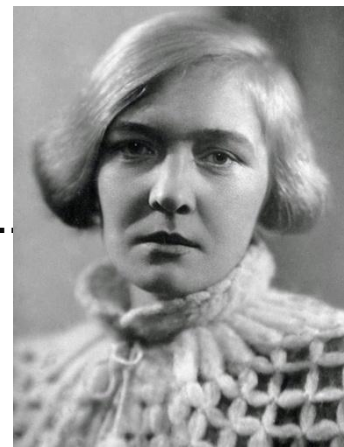
И только очень верные друзья
сюда на праздник сходятся шумливый.
Я так хочу, чтоб кто-то был счастливым
там, где безмерно бедствовала я.

Владейте всем, что не досталось мне,
и всем, что мною отдано войне...

Но если вдруг такой наступит день —
тишайший снег и сумерек мерцанье,
и станет жечь, нагнав меня везде,
блаженное одно воспоминанье,

и я не справлюсь с ним и, постучав,
приду в мой дом и встану на пороге,
спрошу... Ну, там спрошу: «Который час?»
или: «Воды», как на войне в дороге,-

то вы приход не осуждайте мой,
ответьте мне доверьем и участием:
ведь я пришла сюда к себе домой
и помню все и верю в наше счастье...

Молодость

...Вот когда я тебя воспою,
назову дорогою подругою,
юность канувшую мою,
быстроногую, тонкорукую.

О заставских черемух плен,
комсомольский райком в палисаде,
звон гитар у кладбищенских стен,
по кустарникам звезды в засаде!

Не уйти, не раздать, не избыть
этот гнет молодого томленья,
это грозное чувство судьбы,
так похожее на вдохновение.

Ты мерещилась всюду, судьба:
в порыжелом военном плакате,
в бурном, взрывчатом слове «борьба»,
в одиночестве на закате.

Как пушисты весной тополя,
как бессонницы неодолимы,
как близка на рассвете земля,
а друзья далеки и любимы.

А любовь? Как воздух и свет,
как дыхание — всюду с тобою,
нет конца ей, выхода нет,—
о крыло ее голубое!

Вот когда я тебя воспою,
назову дорогою подругою,
юность канувшую мою,
быстроногую, тонкорукую...

Как я наших грешников люблю

На собрание целый день сидела —
то голосовала, то лгала...

Как я от тоски не посидела?

Как я от стыда не померла?..

Долго с улицы не уходила —
только там сама собой была.
В подворотне — с дворником курила,
водку в забегаловке пила...

В той шарашке двое инвалидов
(в сорок третьем брали Красный Бор)
рассказали о своих обидах,-
вот — был интересный разговор!

Мы припомним между собою,
старый пепел в сердце шевеля:
штрафники идут в разведку боем —
прямо через минные поля!..

Кто-нибудь вернется награжденный,
остальные лягут здесь — тихи,
искупая кровью забубенной
все свои небывшие грехи!

И соображая еле-еле,
я сказала в гневе, во хмелю:
«Как мне наши праведники надоели,
как я наших грешников люблю!

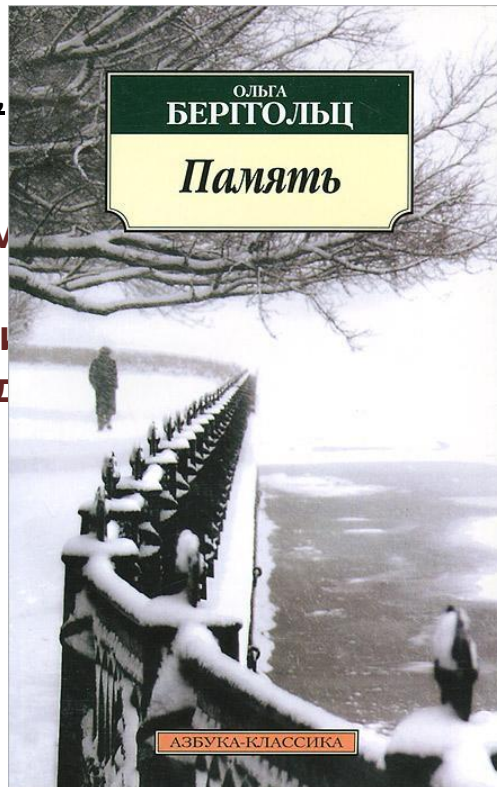

**Нет, не из книжек наших скудных,
Подобья нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.**

**Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.**

**Как в духоте бессонных кам
И дни, и ночи напролет
Без слез, разбитыми губами
Твердили «Родина», «Народ**

**И находили оправданья
Жестокой матери своей,
На бесполезное страданье
Пославшей лучших сыновей.**

**О дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Тоски людской не исчерпали
В открытых коях Колымы!**

**А те, что вырвались случайно,
Осуждены еще страшней.
На малодушное молчанье,
На недоверие друзей.**

**И молча, только тайно плача,
Зачем-то жили мы опять,
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.**

**И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшился тюрьмы,
Но не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы!**

Песня

Мы больше не увидимся —
прощай, улыбнись...
Скажи, не в обиде ты
на быстрые дни?..

Прошли, прошли — не мимо л
как сквозняки по комнате,
как тростниковый стон...
...Не вспомнишь
как любимую,
не вспомни — как знакомую,
а вспомни как сон...

Мои шальные песенки,
да косы на ветру,
к сеновалу лесенку,
дрожь поутру...

Ответ

А я вам говорю, что нет
напрасно прожитых мной лет,
ненужно пройденных путей,
впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
нет мнимо розданных даров,

любви напрасной тоже нет,
любви обманутой, больной,
ее нетленно чистый свет
всегда во мне, всегда со мной.

И никогда не поздно снова
начать всю жизнь, начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы — ни слова,
ни стога бы не зачеркнуть.

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

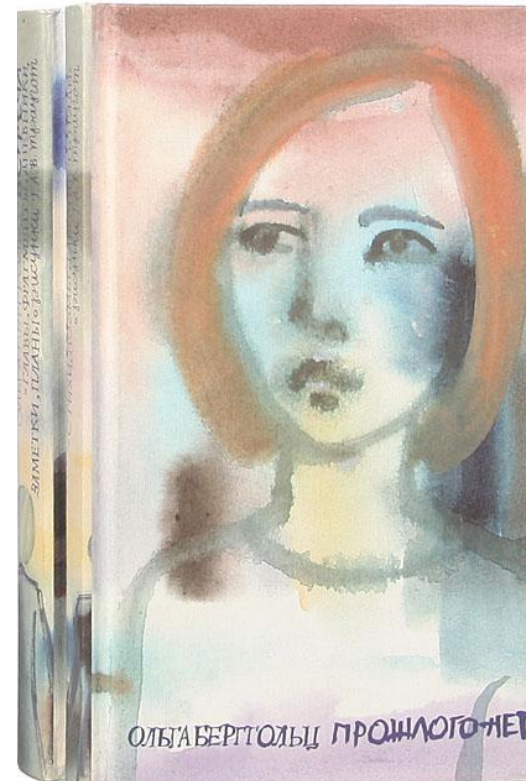
ГОЛОС СОВЕСТИ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ДНЕВНИКИ, ПРОЗА,
ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Обращение к поэме

«Спаси меня!»- снова к тебе обращаюсь.
Не так, как тогда,- тяжелей и страшней:
с последней любовью своею прощаюсь,
с последней, заветною правдой своей.

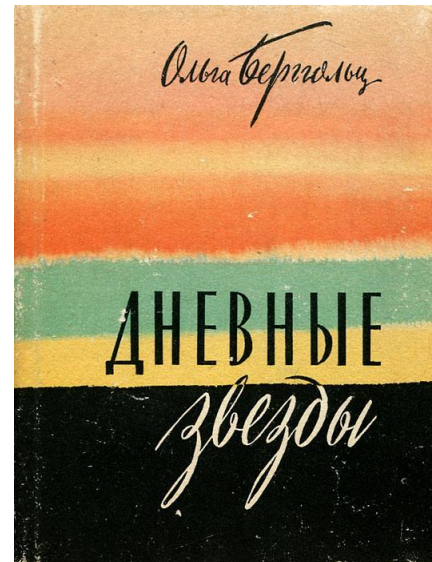
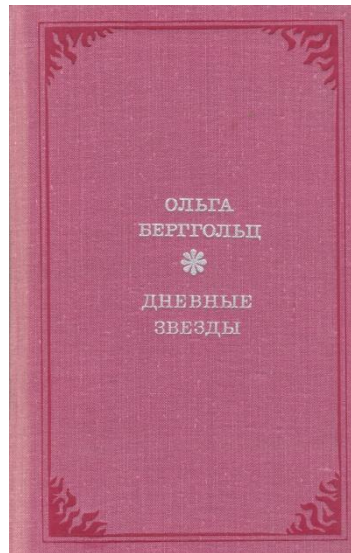
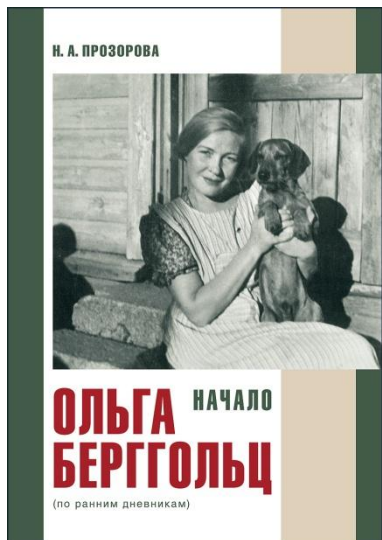
Как холодно, как одиноко на свете...
Никто не услышит, никто не придет...
О, пусть твой орлиный, твой юный, твой
ветер
дохнет... поет...

*Я так боюсь что всех., кого люблю утрачу вновь..
Я так теперь лелею и коплю людей любовь.*

*И если кто смеётся - не боюсь:
Настанут дни,
Когда тревогу вещую мою
Поймут они...*

1941г.

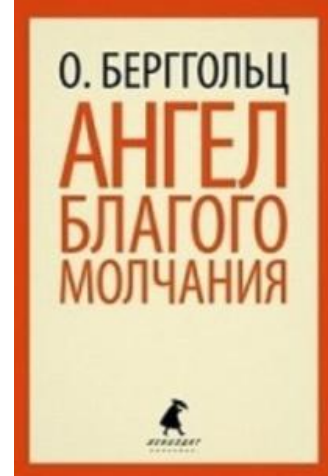

"Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца, со всем его сумраком и светом. Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути - значит, вы увидели дневные звезды". О. Берггольц.

Дневники, которые поэтесса вела много лет, при её жизни не были опубликованы. После смерти Ольги Берггольц её архив был конфискован властями и помещен в спецхран. Фрагменты дневников и некоторые стихотворения появились в 1980 году в израильском журнале «Время и мы». Большинство не публиковавшегося в России наследия Берггольц вошло в 3-й том собрания её сочинений в 1990 году. Выдержки из дневников Ольги Берггольц были опубликованы в 2010 году: «Жалкие хлопоты власти и партии, за которые мучительно стыдно... Как же довели до того, что Ленинград осажден, Киев осажден, Одесса осаждена. Ведь немцы все идут и идут... Артиллерия садит непрерывно... Не знаю, чего во мне больше - ненависти к немцам или раздражения, бешеного, щемящего, смешанного с дикой жалостью, - к нашему правительству... Это называлось: «Мы готовы к войне». О сволочи, авантюристы, безжалостные сволочи!».

**Я так хочу, так верю, так люблю.
Не смейте проявлять ко мне участия.
Я даже гибели своей не уступлю
за ваше принудительное счастье.**

«В трудности судьбу я упрекнуть не смею,» - напишет Ольга Федоровна.

Первый ее муж, Борис Корнилов, был расстрелян. Второй, Николай Молчанов, умер от голода в блокадном Ленинграде. Сама О.Ф.Берггольц В 1937г. была арестована по ложному навету, 171 день провела в тюрьме, В 1939 ее реабилитировали. Две дочери умерли до ареста, третий ребенок, которого она ждала, так и не родился.

Во время войны поэтесса жила в Ленинграде и не с чужих слов знает, что такое блокада. Именно здесь, умирая от дистрофии, создала свои лучшие произведения: «Ленинградскую поэму», «Февральский дневник»...

Поэтесса показала, что в страшные блокадные годы человек может оставаться человеком. Гуманность победила фашизм, любовь победила ненависть.

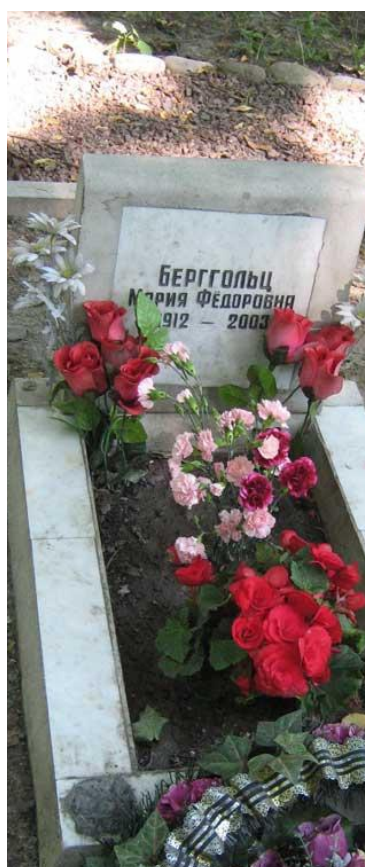
«Меня отовсюду повыгоняли — из Правления, из редсовета издательства, мою книгу «Избранное» ленинградский союз писателей с восторгом вычеркнул из списка,» —напишет Берггольц в автобиографии 1952 года.

Умерла Ольга Федоровна Берггольц 13 ноября 1975 в Ленинграде.

Похоронена на Литераторских мостках. Несмотря на прижизненную просьбу писательницы похоронить ее на Пискаревском мемориальном кладбище, где высечены в камне ее слова "Никто не забыт и ничто не забыто", "глава" Ленинграда г.Романов отказал писательнице.

ЗДЕСЬ ЛЕЖАТ ЛЕНИНГРАДЦЫ.
ЗДЕСЬ ГОРОДЯНЕ МУЖЧИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, ДЕТИ.
РЯДОМ С НИМИ СОЛДАТЫ-КРАСНОАРМЕЙЦЫ.
ВСЕЮ ЖИЗНЬЮ СВОЕЮ
ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ТЕБЯ, ЛЕНИНГРАД.
КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ.
ИХ ИМЕН БАГРОДНЫХ МЫ ЗДЕСЬ ПЕРЕЧИСЛИТЬ НЕ СМОЖЕМ,
ТАК ИХ МНОГО ПОД ВЕЧНОЙ ОХРАНОЙ ГРАНИЦ.
НО ЗНАЙ, ВНИМАЮЩИЙ ЭТИМ КАМНЯМ
НИКТО НЕ ЗАБЫТ И НИЧТО НЕ ЗАБЫТО.

Быть может, с дальним
поколеньем,
жива, горда и хороша,
его труды и вдохновенья
переживет моя душа.
И вот тружусь и не скрываю:
о да, я лучшей быть хочу,
о да, любви людской желаю,
подобной звездному лучу.

**Ольга Берггольц — Не для тщеславия хочу людской
любви**

Ольга Фёдоровна
БЕРГГОЛЬЦ
(1910–1975)

Памятник на могиле поэтессы появился только в 2005 году.

Именем Ольги Берггольц названа улица в Невском районе и сквер во дворе дома № 20 по набережной Чёрной речки в Приморском районе Санкт-Петербурга. Также именем Ольги Берггольц названа улица в центре Углича.

Мемориальные доски Ольге Берггольц установлены на здании бывшей школы в Богоявленском монастыре Углича (Студенческий городок, 2), где она училась с 1918 по 1921 гг. и на улице Рубинштейна, 7, где она жила. Ещё один бронзовый барельеф её памяти установлен при входе в Дом радио. Памятник Ольге Берггольц также установлен во дворе Ленинградского областного колледжа культуры и искусства на Гороховой, 57-а: где в годы Великой Отечественной войны был госпиталь.

В 1994 году Ольге Берггольц присвоено звание «Почётный гражданин Санкт-Петербурга».

17 января 2013 года, к 70-летию прорыва блокады Ленинграда в Санкт-Петербурге в школе № 340 Невского района был открыт музей Ольги Берггольц. Экспозиция состоит из четырёх выставочных разделов — «Комната Ольги Берггольц», «Блокадная комната», «Место памяти» и «История микрорайона и школы».

К 100-летию со дня рождения поэтессы, в 2010 году, петербургский театр «Балтийский дом» поставил спектакль «Ольга. Запретный дневник» (режиссёр Игорь Коняев, в главной роли Эра Зиганшина).

16 мая 2015 года, в 105-ю годовщину со дня рождения поэтессы, в Палевском саду Невской стороны Петербурга был открыт памятник Ольге Берггольц:

Ольга Берггольц — Дорога в гор

Что было вечно? Что мгновенно
Не знаю, и не всё ль равно,
когда с красотою неизменной
ты вдруг становишься одно.

Когда такая тишина,
когда собой душа полна,
когда она бесстрашно верит
в один-единственный ответ —
что время бытию не мера,
что смерти не было и нет.

Забвение истории
своей Родины,
страданий своей
Родины, своих лучших
болей и радостей, —
связанных с ней
испытаний души —
тягчайший грех.

